

Илья Френкель

Илья
Френкель

**Илья
Френкель**

Причал

СТИХИ

**Советский писатель
Москва 1976**

«Причал» — новая книга известного советского поэта Ильи Френкеля. В ней — живые страницы судьбы старшего нашего современника; автор размышляет о прожитом, пишет о Зауралье — родных своих местах, о Москве, вспоминает годы войны, участником которой был. Читатель найдет в книге стихи о природе, о творчестве, о любви, — многие из них окрашены свойственной поэту мягкой иронией.

© Издательство «Советский писатель», 1976 г.

УТРО

то проснулся раньше —
Утро или ты?
Все впадинки вчерашние
Светом налиты.

Спросонья птица звякнула, —
Слышать, невелика.
Электричка вякнула
Из тьмы, издалека.

Ручьенок всхлипнул робко,
Слабей, чем всплеск весла, —
Это, выбив пробку,
Полилась весна.

И вот уж солнце дразнит,
Прикрыто пеленой.
Потягаться разве
С медлительной весной?

МЕНЯ НЕТ ДОМА

не спешу, не тороплюсь —
Я просто еду.
Передвижение мой плюс:
Трублю победу.
Бьют над парадом майских роц
Литавры грома.
Темнеет день. Да хлынет дождь!
Меня нет дома.
А поезд мчится на восток —
К моей Сибири.
Как пахнул дым, шипел свисток,
Уж мы забыли.
И как восход зарей моргал
Сквозь занавески...
Все ближе мой исток — Курган —
В весеннем блеске.

И дружбе и вражде — прости,
Прощай — соседству.
Меня нет дома — я в пути
Навстречу детству.

НАВСТРЕЧУ ДЕТСТВУ

озвращение. Обратнo,
В мой Курган, я взял билет,—
Ко всему, что так приятно
В странном мире детских лет;
В поле чувств, не погребенных
Трезвым плугом бытия.

Иль к тому, чем жил ребенок,
Равнодушен нынче я?
Неужели я не воин,
А ничтожных нужд пастух?
Как бывало перед боем,
Воспари мой гордый дух!
Выходи из окруженья.
Выходи на вольный свет.
Вдохновенье и движенье —
Только тем и жив поэт.
Достаю двухверстку-карту,—
Что положено, при нас,—
Ворон памяти, не каркай.
Отдаю себе приказ:
«Где ползком, где перебежкой,—
Там прилег, а тут и в рост,
Но не медли. Но не мешкай.
Брод ищи, коль взорван мост...»

Из котла потерь и бедствий,
Чистый мыслью и душой,—
Марш вперед!

Навстречу детству,
Пусть ты взрослый, пусть большой.

МАЙСКИЙ ЦВЕТ

Черемуха, черемушка — медовая волна.
Уральская сторонushка, родная сторона.

Цветет на улицах ранет, веселый майский
цвет:
Увидеть мой Курган в цвету мечтал я
много лет.

И вот Курган вокруг цветет, я горд, что
в нем рожден.
И, словно благовест, плывет над ним
пчелиный звон...

Я видел чуть не под ногами
Громадный белый пароход,
Братишку на руках у мамы
И мамин крепкий сжатый рот.

И стан ее девичье тонкий,
И пароходную трубу,
И платья ткань в моей ручонке,
И собственную худобу,
И у трубы у пароходной
Усы и бороду отца,
И ветер жаркий, и холодный,
И рядом с папой -- без лица,
С большим ружьем солдат безмолвный,
Как будто вовсе неживой,
А все вокруг живет: и волны,
И пыль летит над головой.

Вдруг пар стрельнул, и эхо взвыло
И покатилося по реке,
И я забыл, что дальше было,
Лишь платье мамино застыло
В сиротской худенькой руке...

Однажды смерть за мной придет —
Нагнется над страдальцем.
А может, издали проткнет
Своим чугунным пальцем.
Я не взмолюсь, не возропщу —
Ведь это не поможет, —
Я просто
Смерти возьму
За каждый день, что прожит.
Я заплачу за все, что взял
(А взял я очень много!),
За все, что можно,
Что нельзя,
За все пусть взыщет строго.
Во-первых, за мои стихи —
Там смерти доставалось.
Была там пропасть чепухи,
Но и веселья малость.
И во-вторых, за все пути,
Исхоженные мною:
Когда б не смерть,
Я мог нести
И тяжесть за спиною.

И нес. И если тот мешок
Не так давил на плечи,
И грудь не резал ремешок,
И шел я многих легче,—
То это значит: смерть моя
Ко мне благоволила,
Иначе б втрое на меня
Старуха навалила...
Пошел я правильным путем
И о расплате помнил,
И смерть мою
Мужским чутьем,
Как женщину, я понял.

УЛИЦЫ МОЕЙ СТОЛИЦЫ

лицы моей столицы,
Я ваш давний пешеход.
Мы глядим друг другу в лица
Далеко не первый год.

Вы как будто удивились:
«Разве это ты, Илья?..»
Изменились, изменились,
Изменились вы и я.

Да, само собой, конечно,
Перемены налицо:
Очень скучно — если вечно
Все одно и то ж лицо.

На дощечке, на эмали
Имя улицы видно,
А едва ли, а едва ли
Знают люди, чье оно.

Лично мне оно дороже,
Чем кому-либо из вас...
Дождь пошел. Стоит прохожий
И с угла не сводит глаз...

БЕЗГОЛОСЫЙ

Не кто иной — я спел бы вам,
Но это невозможно:
Мой звонкий голос
Где-то там,
В теплушке промороженной.
За тридцать,
За сорок лет,
Откуда даже эха нет
Монархии низложенной.
И только хриплый голос мой,
Перебиваемый пальбой
И ею же — само собой —
На миллион помноженный,
Кричит:
«Да здравствует! Долой!»
Не кто, а я иду Москвой,
Притихшей и встревоженной.
При мне винтовка «вистерли»
Калибра несусветного.
А я иду.
И все так шли —
Шагали наши патрули
До часу предрассветного.

А снег Москву одолевал —
Глухой, слепой, безмолвный,
Он глух, он слеп, он колдовал —
Всесильный и безвольный,
А мы входили на вокзал,
Мы строились повзводно.
Товарный поезд подползал —
Так было нам угодно.
Грузились мы.
Шипел свисток.
Нас дергало, качало...
И приставал сосед:
— Браток,
Запел бы для начала...

Двадцатый год.
Двадцатый год.
И голый лед.
И белый сброд.
Осьмушка хлеба — весь паек.
Патрон пяток.
И все, браток.

Но я все песни начинал —
Ведь я был запевала...
Прокочевал, проночевал,
Пропел я звонкий голос мой:
Его как не бывало.
Он там — в снегу, во тьме, в огне,
В теплушке мороженой.

Он и сейчас поет во мне,
Высокий
И восторженный.

ПОРА ОСЕННЯЯ

1

Н а дворе пора осенняя —
Вся Москва готовится к зиме.
Без истерики, без потрясения
Вся листва слетается к земле.
Свежее, чуть горькое, чуть грустное
Вольно разливается в груди, —
Детское, простое, безыскусное,
Словно все светлеет впереди
И зовет:
— Гляди! Дыши! Иди!

2

С отечеством живу в едином ритме:
Нас разомкнуть — и вовсе нет меня.
Вот льется дождь и внятно говорит мне:
«Иди со мной, ведь я тебе родня.
И ты и я — состав одной природы, —
Ты ею чувствуешь и мыслишь с нею в лад,
Перемогаешь все ее невзгоды.
Она щедра, и, значит, ты богат.
Ступи под мокрый занавес погоды, —
Тебе ковры раскинул листопад».

Жаль тех, с кем дождь не говорит,
Кому не светят свечки листопада,
Чей выход в мир ненастьями закрыт,—
Им никого, кроме себя, не надо.
Чью кровь смирил-заговорил застой,
Движенья мысли запер самомненьем.
Как жаль больных: смертелен их покой,
Не нарушаемый смятеньем.
А осень в зиму перейдет —
Снег празднично и смело засверкает.
Мне по душе мороз, сугробы, лед —
Все, что к движению толкает.

Больных мне жаль: их добровольный плен
Живительных не примет перемени...

з земли — хоть в стужу да наружу —
Так и лезет новая трава.
Вот и я молчание нарушу:
Может быть, не вымерзнут слова.

Слово за слово — посеешь строчку,
И не как-нибудь, не вкривь, не вкось,—
Радуешься первому росточку,
Может, и не вымерзнет. Авось...

Примутся. Потом укоренятся,
Побегут меж ними муравьи,
И разведчицы крылатой нации
Понесут корзиночки свои.

С Танганьики до реки Таруски
Журавли потянут в вышине,
В рифму, по-зулусски иль по-русски —
Иль еще как — подкурлыкнут мне.

ейчас на западе — вчера.
На улицах безлюдно.
Воображения игра,
И к ней привыкнуть трудно.
Москва, и вдруг — Владивосток,
И, очевидец дива,
Я вижу парус-лепесток
На синеве залива...

Еще ты спишь. Еще Москва
Пустынна, безмашинна.
Здесь полный полдень — даль морская
Блестит крылами джинна.
Не верю, сам себя щиплю
И слышу крики чаек.
Где б ни был, я тебя люблю
И по тебе скучаю.

* * *

Люблю тебя! Не преграждай мне путь
Колючей проволокой — перелезу.
Штыку и выстрелу моя открыта грудь —
Придется отступить железу.
Я преисполнен силы колдовской.
Я весь под током — нет сильней заряда.
Утрою страсть — не выдержит преграда
Между тобою и моей тоской,
Перед немym тараном взгляда.
Всю кровь, всю жизнь за счастье отдаю,
И пусть мы оба станем горстью праха.
Что может плазменную сбить струю?
Она прожгла границы страха...

СЕРЕНАДА

ночном мерцанье цвета вишенного
Мне чудится скопление звезд.
Но что земному до возвышенного?
Я — тут. Я заступил на пост.
В домах спят женщины и дети.
В саду струится лунный дождь.
Приходят мысли о планете,
Когда впервые на рассвете
Пробился самый первый хвощ.
И, словно в первый день творенья,
Стихотворенье-часовой
Хранит от гибели растенья
И заслоняет их собой...

Вкруг часового тьма таинственная,
И люди спят средь темноты,
А рядом дышишь ты, единственная,
И молча тень моя воинственная
Стоит на страже красоты.

а Третьяковской галереей
Сегодня я слышал скворца —
Он самкам волновал сердца,
Качаясь, как матрос на рес,
На ветке тополя.

И мне

Так стало вольно, так беспечно —
Пускай на миг, пусть не навечно,
Поскольку май идет к концу...
Через неделю будет лето.

Поэт всегда поймет поэта —
Я помахал рукой скворцу.

* * *

етыре года как-никак
Война была его соседом:
Они считались в двойниках,
А смерть, как тень, тащилась следом.
Когда ж настал победный день,
В его ушах еще гудело,
В глазах не пропадала тень
И отдохнуть боялось тело.
Но вот — покончили с пальбой —
Остыли пушечные дула,
И не осколок над собой
Он слышит — птица щебетнула.
Он принял это как сигнал,
И, словно луч, из тучи вышел,
И дым войны с земли согнал,
Чтоб каждый видел, каждый слышал.
Так возвратил он миру цвет
И гул разъединил на звуки...

А вы-то знаете ли, внуки,
Что завещал вам щедрый дед?

НА ПОПУТНОЙ МАШИНЕ

Водитель поплотней уселся.
Визжит коробка передач.
Кардан взревел и завертелся,
И грузовик понесся вскачь.
Здесь ветер мягче, солнце жгучей,
Здесь птица радостней поет
И люди говорят певучей,
Здесь начинался мой поход.
Здесь все дороги фронтовые,
И разве дело только в том,
Что тут я еду не впервые?
Гляди: со взорванным мостом
Соседают простые доски - -
Мост в ширину одной повозки.
Он под машиной грузовой
Кряхтит и ходит, как живой,
Касаясь глади голубой.
Привет, дружище фронтовой.

МИРНЫЙ МИР

Мир войны совсем не прост —
Мир солдат и командиров...
Железнодорожный мост
Был в числе ориентиров.
Но ведь с яблонь цвет летел,
Скипидаром пахли сосны.
Жег июль. Октябрь желтел.
Выли зимы. Грели весны.
И отдельные высотки,
И часовня, и погост,
И базар грачиных гнезд
Не укладывались в сводки,
Где природа — лишь деталь
Уточненной обстановки.
Но какая, к черту, даль
Без березки, без коровки?
У природы смысл иной:
Штык штыком, мундир мундиром.
Пусть война: война войной,
Но и мир остался миром.

СНЕГ

Снег летает,
Струится поземкой зигзагообразной,
Заметает,
Переметает,
Фиолетовый, розовый, разный,
Полный морозного шороха,
Грозный и грязный от пороха...
Снег военный.
Графленый осколками минными,
Клейменный бурями и карминными
Лужицами,
Снег, овеянный ужасами.
Снег военный,
Незабвенный,
Кровавый и кровный,
Подмосковный,
Курский и тульский,
Невский и нарвский,
Яркий и тусклый...
Снег витает,
Прядает,
Ниспадает и падает.
Снег глаза мои радует.

Снег за сердце хватает.
Снег спокойно лежит
И, когда надлежит,—
Просто тает.

ветает раньше. Вечереет позже.
Снег почернел. С крыш капает весна.
Воюет Первый Украинский в Польше:
Теперь на нас работает война.

А местность — в терриконах, как Донбасс,
И города друг в друга переходят.
Все как у нас! И все не как у нас:
Вот воробьи — на наших не походят.

Похмурый Краков с Вавелем-кремлем
И с Ягеллонским университетом
Вокруг меня, а я не чуждый в нем,
Майорским опоясанный ремнем,
При пистолете, с сумкой и планшетом.
Я, приглашенный в бесстекольный дом,
Сижу между жолнежей. А на сцене
То скрипка, то рояль вздыхают о Шопене,
И краковяк плывет под мутным потолком.

А мы, чтоб лучше слышать, скинули ушанки,
Опьянены мелодией двойной...
Все окна в зале выбиты войной,
И Вислу переходят наши танки.

СНИМОК

*Другу, фронтовому репортеру
Анатолию Егорову*

ак будто дымится громада рейхстага:
Подходит Победы торжественный час,
И в кадре — полотнище нашего флага.
Фотограф, спасибо, уважил ты нас.

Но снимок другой у меня сохранился,—
Сюжет на любителя, на знатока:
Потрепанный газик в кювет завалился.
И два седока. И такая тоска.

И эта война в неприкрашенном виде.
Дорога. Снега. Ни кола ни двора.
И хочешь не хочешь, а надо, а выйди,
А где-то, за кадром, визжат «мессера»...

Кто, третий, снимал их? И кто эти двое?
Откуда куда их несло-занесло?..
Смотрю из сегодня, гляжу на бывшее,
И так мне легко,
И так тяжело.

СПЯЯН КРОВЬЮ

то творится!
Все двоится!
Ночью снится Приднестровье.
Я, жилец Москвы-столицы,
С Кишиневом спаян
Кровью.

Не с того ли так дурманит,
В даль холмистую маня,—
Не с того ль магнитом

тянет,

Голос флуера маня?..

Ох, и манит!

Ох, и тянет!

Сквозь туннели, тучи,

степи,

Лист зеленый — не бумаги —

Все равно как долг присяги,

Или это просто память

И несешься на прицепе

У своей солдатской тяги?

Асы Гитлера бомбили
Переправы на Днестре,—

В грузовом автомобиле
Ехал я. О той поре
Не забуду,
Помнить буду
Ночи зарев и громов!
Почему я верил в чудо
И остался жив-здоров?

На краю могилы братской
Клялся клятвою солдатской:
Мол, еще сюда вернусь,
В рай зеленый,
В край молдавский,—
Двух кровей во мне избыток,
Словно двух металлов

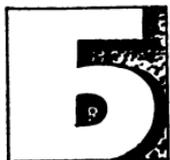
слиток:

И Молдавия,
И Русь!

АРТЕМ

(Матросский разговор)

1

росил бомбу,
Кинул дьявол,
Черный «мессер»-самолет.
Отработался,
Отплавал —
Кончил службу мотобот.
Черный дьявол разбомбил,
Мы поплыли
Кто как был:
Кто в бушлате —
Вот некстати! —
Кто в стальной,
Тяжелой каске;
Кто, израненный, в повязке.
Плыл с трехрядкой
Музыкант —
Без гармошки
Не десант!
Нам везло еще,
Славяне!
Хорошо, что бомба,
А не
Пулеметный:

В дополненье ко всему —
Загорай тогда в Крыму!
Хорошо, что день был летный,
Тихая волна,—
А не то бы всем
Хана...

2

Это врут, что неудобно
Моряку
На берегу.
Я ответил бы подробно,
Только время берегу —
Отвлекаться не могу:
Моряку
Не все ж купаться,
Надо спешно
Окопаться,—
Враз бандит
Разбомбит,—
По песку не уплывешь.
Пропадешь
Ни за грош...
Люди к берегу прибились,
Зацепились,
Укрепились:
Не стать
Привыкать
Хоть где
Под огнем высыхать,
На воде
Промокать.

Нет, нельзя сказать,
Что худо
Моряку на берегу.
Не ударил бой покуда,
Наш десант, назло врагу,
Просыхает,
Отдыхает,
Жизнь матросскую не хаает:
Раньше сушится махорка,
Автомат,
Пять гранат,
А потом уж гимнастерка,
Ну, а после —
Бушлат...
Закурили. Меж народа
Разговор о сем о том:
Мол, дела такого рода —
Налицо у нас три взвода,
Утонул один —
Артем.
— Кто сказал, что Артем?
— Как такое — Артем?
— Объясни, друг, путем.
— Мы не басню плетем:
Очень просто — Артем.
— Да ты знаешь ли Артема?
— Имя вроде как знакомо...
— Ишь, заладил: «вроде, вроде».
Да Артем один в природе:
Руки — во!
Ноги — во!
Нам куда до него:
Он, брат, в самой ледяной
Только ржет, как водяной.

У него, брат, как в рыбе —
Пузырь!
— Здешний, что ли?
— Да нет, брат,—
Сибирь!
— Да, уж если Сибирь —
Богатырь...
— Поглядел бы на грудь —
Жуть!
Ширь!..
Говорят, что просился на танки —
Не взяли — велик:
На торпедный такого
Нельзя ли? Велик!
Святогор!
— Ну, а кем был в гражданке?
— Шахтер.
— Ну, тогда, значит,
Да...
— То-то, брат;
Мало что говорят,
А не всякому верь!..
— Я-то что ж...
— То-то, друг.
Понимаешь теперь:
Семью семь раз отмерь,
А не то соврешь,
Да еще за двух.
Не узнал бы Артем,
Что болтают о нем...
— Повидать бы его,
Артема!
— Он небось давно уж дома,
То есть тут

Где-нибудь:
У него известный путь —
Впереди всего десанта.
Да спроси у лейтенанта...
— Вы, товарищи, о чем?
— Тут сбrehнули, что Артем...
— Эх, товарищи, нет, не брехня:
Он давно бы уж был у меня.
Жаль расстаться с героем таким.
Что ж — война. Не у тещи гостим.
Но, товарищи, имейте в виду:
Нет Артема, а я его жду!
— Может, ранен?
— Может, помощь нужна?
— Очень просто...
— Не у тещи...
— Война...

3

И пошел по взводáм пересуд:
Мол, Артем не пропал — где-то тут.
Будто ранен: нога иль рука.
Мол, беда уж не так велика.
— Что ж, поправится — явится. Да...
— А еще ему деться куда?
— Уж Артем — он придет завсегда.
— Без десанта — орел без гнезда...
Пущен слух от соседа к соседу,
По взводам провернули беседу,
Посвятили собрание вроде
На переднем краю, в третьем взводе.

Выступали там три краснофлотца.
Выступает один и клянется:
— Пусть волна черноморская знает,
Балаклавская чайка услышит
Моряка нерушимое слово.
Краснофлотец, он честь не роняет:
Он воюет, покудова дышит,
Мстит за друга своо дорогого...—
И второй поднимается следом:
— Говорю перед всем белым светом,
Что своей, этой самой рукою
Я фашизм навсегда успокою.
Пусть товарищ Артем это знает,
Пусть он рану свою заживляет...—
Третий друг на язык был не боек,
А сказал хлеще первых обоих:
— Мне бы только дойти до Берлину,
Я, мол, душу из Гитлера выну!..—
Ну, конечно, об этой беседе
Прописали во флотской газете.
А волна, говорить мастерица,
Обо всем рассказала сестрицам,
Да и чайка на всю Балаклаву
Раззвонила Артемову славу.
И братва, что с Артемом дружила,
Про товарища песню сложила
На старинный мотив черноморский
И на новый манер комсомольский:

«Матрос-черноморец, широкая кость,
В донецкой степи воевал,
И немец узнал краснофлотскую злость
И черною смертью прозвал.

С тех пор как закрылся знакомый маяк
Суровой донецкой грядой,
Никто не слышал, как смеется моряк,
И молча кидался он в бой.
Он писем домой не писал никогда,
Как будто забыл о былом,—
Во сне ему снилась морская вода
И чайка махала крылом...»

4

Вот и выстоял
Советский
Сталинград, в конце концов:
Костью выстелил немецкой
Степь меж Волгой и Донцом.
Что касася суши —
Били немца «катюши»,
С неба действовали ИЛы —
Не давали рыть могилы.
А с Азовского и Черного морей
Фрица выжили еще того скорей...
Растянул свою трехрядку
Бородатый музыкант
На днепровском берегу,—
Далеко зашел десант.
И давай, назло врагу,
Отчеканивать вприсядку
Морячок третьева взвода,
Что тому назад полгода
Выступал хоть и не пышно,—
Что ж такого?
Зато коротко, и слышно,
И толково:

— Мол, дойти бы мне только до Берлину,
Я всю душу из Гитлера выну...—
А пока
Ноги ловко отбивают гопака.
Он еще разок притопнул,
Ползунком прошел в кругу
Да ладошкой в землю хлопнул:
Дескать, вишь, как я могу.
Бескозырочкой утерся и — шабаш.
— Бумажки дашь?..—
Оторвал клочок газеты,
Да размял, да свернул,
Еще глазом подмигнул,
И со всех сторон кисеты
Потянулись с табаком:
— Мастер топать каблуком!
— Молодец плясать Иван!
— Что ж ты хочешь? Ветеран!..—
А Иван сказал лениво:
— Это, хлопцы, что за диво?
Вот Артема бы сюда,
Это — да...
— Что, силен?
— Ох, силен!
Скажем прямо —
Чемпиён!
Впереди всего десанта...
Да спроси у музыканта...
— Вы, товарищи, о чем?
Об Артеме, наверно?
— О нем.
Расскажи нам, какой он, Артем.
Где он есть?..
— Да уж где-нибудь есть.

Дайте срок...
— Будет здесь?
— А то где ж?
Хоть на части его режь,
А не должен пропасть...
Надо думать, подлечился —
Догоняет нашу часть...
— Хорошо бы к нам включился!
— Ох, и зол на немца! Страсть...
— А пловец!
— А певец!..—
И, хоть в этой части мало
Оставалось стариков,
Про героя вспоминало
Племя новых моряков:
Говорили об Артеме
Даже чаще, чем о доме...

5

Не осталось у Артема
Никого. А ни-ни.
Батьки с маткой,
Сада с хаткой,
Ни жены,
Ни родни.
Это правда. В чем же дело?
Почему же то и дело
На Артема в штаб летело
То письмо,
То пакет,
То посылка,
То портрет?

Может, ветром с Черноморья
На долины и на взгорья
Занесло шум волны?
Может, в травы и дубравы
Долетел из Балаклавы
Местных чаек разговор?
Может, флотская газета
Раззвонила на полсвета
Про героя-старшину?
Кто другой,
Он ли сам
Партизанил по лесам?
Чайка — птица. Что ж такое,
Птица может петь всерьез,
Если в гости звал героя
Приазовский рыбколхоз:
— Если звали, если ждут, —
Значит, скоро будет тут!
Нам, друзья, признаться честно,
Достоверно неизвестно —
Жив Артем или нет.
Если помер, отчего же
Говорят одно и то же:
Жив Артем! Всюду след.
Есть в Крыму,
На Украине,
В Бухаресте
И в Берлине.
Жив Артем! Всюду след,
А у смерти
Следу нет...
Жив, а где —
Сказать не можем,
Только скажем:

Всюду след!
Руку на сердце положим
И заявим, положив:
«Верят люди?
Значит, жив!»

ИЗ КУБАНСКОГО ДНЕВНИКА

Вот тут,
в староказачьей мирной хате,
На ум приходят дымные бои,
И фотографии на стенах кстати
Напоминают образы мои.

Зарубцевались их сквозные раны,
Смягчился вдвое командирский бас.
Теперь у них совсем иные планы,
Хоть прежний пыл и вовсе не погас.

Теперь солдат не ходит в плащ-палатке,
Но даже в длиннополом пиджаке
Не изменил он фронтовой повадке
И остается краток в языке.

Люблю его невоинское платье
Без орденов, колодок и погон,
Не расточая зря рукопожатья,
Ладонь к виску прикладывает он.

В делах не суетлив, а скупое точен,
Уйдет в себя — ничем не отвлечешь:
Он по-иному стал сосредоточен,
Остер и тверд, как закаленный нож.

И следу нет зазнайства и бахвальства,
И петушиного задора тоже нет.
Явился юмор вместо зубоскальства —
Дурного свойства довоенных лет.

Не думайте, что он отвык от шуток,
Остыл к веселью, разлюбил друзей,
Кто более, чем он, умен и чуток?
Кто держится достойней и трезвей?

И даже там, где родился и вырос —
В отеческом приветливом дому,—
С его приходом что-то появилось
Не ясное доселе никому.

Мне по душе небыстрая походка,
Подтянутый и ловкий поворот,
И волевая твердость подбородка,
Серьезный взгляд и молчаливый рот.

Таков он — не загадка и не тайна —
Советский современный гражданин:
Таких встречал я в шахте, у комбайна
И за рулями грузовых машин.

И на степном гиганте-самоходе,
И в штреке ленинградского метро,
На стройке, на уборке, на охоте,
На многих заседаниях партбюро...

УКРАИНСКАЯ БАЛЛАДА

Спят садо́чки, холмы и равнины,
Блещет месяц речно́ю волно́й.
И бежит по степям Украины
Мрак ночной, словно конь вороной.

Лишь не спят корпуса заводские
Да в войсках часовые не спят.
Затихает красавец наш Киев,
Лишь бульвары листво́й шелестят.

То не ветер гуляет днепровский,
Не волны черноморской прибой —
Вышел снова

Григорий Петровский
На простор Украины родной.

По старинной рабочей привычке
Он внимательно смотрит вокруг
На бегущие в ночь электрички,
На большие дела наших рук.

Пьют росу беспредельные нивы,
Дышат свежестью ночи сады,
И прохожий вдыхает счастливо
Милый запах днепровской воды,

На востоке заря рассветает,
Убегает полночная тень,
И туман над полянами тает —
Просыпается радостный день:

В городах гомонят перекрестки,
Запевают моторами труд,
И сливается с жизнью Петровский —
Не исчез он, а с нами, а тут...

ТО ПЕРОМ, ТО ОГНЕМ...

Больше белых, чем черных, волос у меня,
Я, пожалуй, с полвека отцом называюсь
И все время тружусь, то и дело сражаюсь:
Мне с избытком хватает воды и огня.
Не поверю, что счастье — родиться в сорочке,
А покой, это — с ложечки кормят тебя.
То пером, то огнем я пишу свои строчки,
Находя и теряя, губя и любя.

Стекло дрожит от мощной переклички:
Горланят, на ночь глядя, электрички.
Все глуше и далече дальний стук.
Я сам — один. Приятней нет разлук.

С какой-то сладостной натугой
Ползет с пера на лист неспешная строфа:
Как будто бы мотив рождается упругий
И не кончается на верхнем фа.

Его опять гудок перебивает
И глохнет, чтоб дорогу уступить,
А то, что боль из сердца убывает, ---
Ни за какие деньги не купить.

ел, поскрипывая снегом,
Человек, подобный мне:
Он, как я, долгонько не был
С тишиной наедине.

Дунул ветер. Снова дунул.
Он всю задул. И вот
Человек, как я, подумал:
«Реактивный самолет...»

Застучал, зачем-то влезший
На сосну, телеграфист.
Точно поезд, старый леший
Испустил истошный свист.

И носы кикимор местных
Наблюдая сквозь очки,
Путник думал: «Интересно!
Очень милые сучки».

Все, что слышал, все, что видел,
Дятел пишет на коре:
Поглядел — и сразу выбил
Строчку точек и тире.

Лицо сам я долго не был
С тишиной наедине:
Я стучал бы рядом с небом
По высокой той сосне,
А внизу скрипел бы снегом
Человек, подобный мне.

* * *

а исходе декабря
Зимний день недолог.
Ребятишки ждут не зря
Новогодних елок.

Пусть в тепле среди людей
Елочка оттает,
Не беда, коли на ней
Свечек не хватает.

От негладкого ствола,
От колючих лапок
Будто елка разлила
Детства милый запах.

ты сменил бы чарку
На пару лыж,
Чтобы скользнуть по парку,
Уткнуться в тишь.

Вне телефонной трели,
Вне суеты
Ты видишь высшей цели
Штрихи, черты.

Она еще в наброске,
Еще вчерне,
Как ели и березки
В твоём окне.

Все так свежо и плотно —
Что верх, что низ.
Сквозь снежные полотна
Пройди, прорвись.

Да как не стать поэтом,
Когда всю ширь
Оранжевым жилетом
Затмил снегирь?

Весь мир был пасмурен и светел,
Как будто наступил апрель.
Дохнул коварный южный ветер,
И потекла с ветвей капель.
На красноватых прутьях ивы,
Забыв о снежном серебре,
Теплолюбивы и наивны,
Раскрылись почки в декабре.
Самонадеянные дети,
Зачем спешите и куда,—
Минуют оттепели эти
И возвратятся холода.
Полунагих, без оболочки,
Вас обожжет морозный дух,—
Застынут нежные комочки,
Навек оцепенеют почки,
Роня мертвый вербный пух...

Нам нравятся странные странности:
Весь мир не по-нашему шит.
Природа в ее первозданности
Без умысла злого страшит.
Пугает своими пространствами,—
Мы скоростью боремся с ней,
А пешие дальние странствия,
По-нашему,— не для людей.
И все, что болотисто-илисто,
Повсюду пора иссушить,
И выпрямить все, что извилисто:
Прямое не так уж страшит;
Лесам с комарами и чарами
Асфальт городов предпочесть,—
Леса отвечают пожарами,
Рычит беспощадная месть.
Наверно, природе не нравится,
Что мы — ее малая часть,
Пытаемся с матерью справиться,
Что спорим за право, за власть.
Дурные! Она ведь заботится
О нас, о слепой детворе:
И морем о берег колотится,
И песней звенит в комаре...

НА ТРОЙКЕ

а правдолюбом-январем
С его морозной прямоюй
И лаконичным словарем,
Подкрашенный и завитой,
Подкрадывается февраль,
Известный ловелас и враль.
Придет на двадцать восемь дней —
А в январе тридцать один! —
То он лакей, то господин:
То позовет на лыжах бечь,
А то блины прикажет печь...

Двадцатый век пошел к концу
Машинным маршем робота:
Ракетный взрыв ему к лицу
Без колеса и провода,
Без коренных, без пристяжных,
Без окосевших, без блажных
Бородачей, выдумщиков —
Декоративных ямщиков...

А мне бы мчаться в феврале
На тройке, а не в «шевроле»!

МИР В ОКНЕ

Стояла стужа. Нынче дует
Еще и как! Сдурел Стрибог:
Его трезубец иль скребок
Рябит пруды, людей мордует,
А солнце, ядерный клубок,
То в почках лиственниц колдует,
То сунет луч скворцу в чертог
И птичьим горлом забунтует,
То в нашем градуснике ртуть
Успеет кверху протолкнуть.

А я, стеною и стеклом
От непогоды огражденный,
Простудою заторможенный,
В шестое чувство погруженный,
Изнеможенный, вновь рожденный,
Гляжу, вконец обвороженный,
На мир, обрамленный окном.
Гляжу и вижу: в мире том
Как холод борется с теплом
И отступает, пораженный,
Устало продолжая дуть,
Соображая: «В чем же суть?»»

ЗАМЫСЛЫ ВЕСНЫ

Продрогнув на ночном морозе,
Кричат спросонья воронята:
Один устроился в березе,
Забыв, что виден, вероятно.
Другой вписался черной кляксой
В телеантенну, будто в крест,
И адресует хриплый крик свой
Всем вороньям здешних мест.
Расплывчатое солнце виснет
Над шифером и вохрой крыш.
И лишь нарочно тормоз визгнет,
Чтобы опять вернулась тишь.
Я тоже что-то понимаю
В делах и замыслах весны --
Ее пути от марта к маю
Исповедимы и ясны.
И вот стою с большой лопатой
По грудь в окопе снеговом,
Простоволосый, конопатый,
И утираюсь рукавом.

ЖАЖДА СОЛНЦА

Жизнь моя — дорога. Жизнь — моя дорога.
На востоке — Берег Золотого Рога,
Тундра Самотлора с севера нависла,
Запад — это Тисса; чуть правее — Висла.
Юг отгородился крутизной кавказской...
Страны света — каждая со своей окраской.
Со своим набором рек, лесов и тварей,
Со своим началом в глубине времен...
С детства очарованный картой полушарий,
Я пока освоил крохотный район.
Кто же мне в попутчики дал дожди и выюгу?
Или бог поэзии осудил меня?
Повернул затылком к пламенному югу,
И несусь я к северу, все и всех кляня.
Капли состраданья нет у злого бога,
Хоть кричу, как маленький: «Я не буду, бог...»
Только вновь на север мчит меня дорога.
А быть может, просто нет других дорог.
И дрожу я синей стрелочкой магнитной,
И всегда на север сносит острие,
И звенит обидой, жалобной молитвой
Жаждой солнца полное желание мое.

СУДАК

Здесь надо вставать на восходе,
А лучше бы за два часа,—
Все влажно в рассветной
природе:

Сейчас выпадает роса.
И то, что считалось вчерашним,
Уж завтрашним надо считать,—
Разрушенным стенам и башням
Придется родиться опять.
Сиять белизной штукатурки,
Грозить остриями зубцов,
Как будто бы сызнава турки
Пойдут на заморских купцов...
Но спят генуэзские гости
В песчанике таврской земли —
Давно уж истлевшие кости
В состав этой почвы вошли.
Ползет карагач крючковатый
По плитам турецких могил.
Окутанный тучей, как ватой,
Судак над пучиной застыл...
От бриза жужжит черепица.
Плеснула о камень волна.
Спросонья чирикнула птица,
И снова умолкла она...

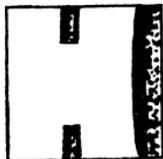

се, все не так, как у людей,
У сосен, лиственниц и елей,—
Никто из них не лицедей:
Нет гамлетов и нет офелий.

Им хорошо стоять и цвести,
Слегка ветвями помавая,
Все в мире принимать, как есть,
Своей красы не сознавая.

Они разумны и добры,
Дружны и неподобострастны,
И не скупаются на дары,
И в том, по-разному, прекрасны.

АХ ЕСЛИ Б...

Народ лень матушкой зовет,—
У ней полно детей:
«Лентяй харчи без соли жрет»,
«Лежачего не бей...»

Мне говорят — не первый я,
А лень, мол, древний грех.
Все так. Но ежели Илья
Ленивей прочих всех?

Такого лодыря, как я,
Ленивей в мире нет:
Не заработал ни копя,
А требую обед.

И завтрак утром нам подай,—
Здоровье бережем.
Работать ложкой — не лентяй,
И вилкой. И ножом.

Кто спать ложится, не поев,—
Дурные видит сны.
Насчет еды я сущий лев,—
Спросите у жены.

Увы, работа мне вредна,
Полезен отдых мне.
А жизнь — она у нас одна.
Вот если б было две!

Как я трудился б во второй!
Да нет ее — беда!
И вот зазя пропал герой.
Пропал герой труда...

Замолк. Молчал. И домолчался:
Всем невтерпеж. Мне невтерпеж.
Рукой махнули домочадцы:
«В нем ни черта не разберешь!..»
Им невдомек, что я лечился
От черной накипи внутри.
Я отболел, отшелушился:
Всех здоровей,— держу пари!
Освободились мышцы тела
От судорог, от столбняка,
Душа опять взялась за дело —
За кочергу истопника.

ЛИКБЕЗ

Сейчас у нас стихи в почете,
Не важно — с рифмой или без.
Стихи читают дяди-тети,
Напоминая мне ликбез:
Ту поразительную пору,
Когда, наперекор судьбе,
В любой подвал, в любую нору
Врывались сразу «А» и «Б».
И деды, шевеля усами,
Букварь читали нараспев
И по линейчкам писали,
Рукою руку подперев.
Тогда учили взрослых дети,
И в этом был великий смысл,
Как математик на рассвете
Открыл бы суть искомым числ...

МЕСТОРОЖДЕНЬЕ

Алатау, меж другими, есть ущелье...
Суть не в этом — там полно таких теснин,—
И не родниками, не тяньшанской елью
Славится ущелье Чон-Кемин.
Что там, в Чон-Кемине, кроме скал, поросших
Елью? Что еще там, кроме родников? —
Множество поэтов, разных и хороших,
Перепроизводят горы чудаков.
Может, это климат стороны киргизской,
Той, что называется вкратце Чон-Кемин,
Не высокогорной и не слишком низкой —
Но на всей планете Чон-Кемин один!

Зависть — это плохо. Зависть — это стыдно.
Я и не завистник, боже упаси.
А месторождений мало, очевидно,—
Просто не хватает на большой Руси.
И певцы кочуют, сущие цыгане,
И одно лишь место признают — Москву,
Даже я, рожденный в городе Кургане,
А в Москве прописан, а в Москве живу...

Может быть, генетики что-нибудь предпримут,
Продираясь в дебрях следствий и причин.

А пока поэты — там, где микроклимат,
Тот, что называется вкратце Чон-Кемин.

П Р И Ч А Л

* * *

адо видеть, во-первых, в натуре
Настоящее море. Не то,
Что форсит в нарисованной шкуре,
Суший франт в заграничном пальто.
Позабудьте цветную открытку,
Где лоснится лазурь сквозь глазурь,
А палит без прицела, навскидку,
Море в небо зенитками бурь.

Вспоминаю, как голый и босый
Уходил по песку за причал,
А рыбачий баркас остроносый
За спиною мотором трещал,
А мартына метровые крылья
Вдруг роняли перо на песок...
Повезло мне: случайно открыл я
Первозданного мира кусок.

Я поладил со здешним народом,
К необычному быту привык,

Ворчали тихо рулевые:
«Нема обратно обкидных...»
«Қолы б мы малы обкидные...»
«Не можно вже без обкидных...»

И вдруг плеснуло слева, справа.
Забеспокоился мартын,
Но Арфано заметил здраво:
«Була б в шаланде тая справа,—
Без обкидных же — сущий блин...
Завпроизводством щучий сын!»

И все взялись ругать ошибку
Руководящего звена,
А той мартын хватаете рыбку,
Бо птыцам ндравится вона...

Ишла шаланда с рыбаками —
Мускатий вел ее назад.
Имея парус под руками,
Но недостачу из сетями:
Завпроизводством виноват...

Трепал их шторм девятибалльный,
Кружил туман, кусал комар,
И черный кливер погребальный
Пришлось рубать в один удар.

Утихли ветры низовые.
Играет солнышком прибой:

«Ось колы б дать нам обкидные,—
Улов бы мы имели той...»
От так ворчали рулевые,
Засыпав юшку скумбрией:

А по песках бродили жинки
И скрозь с кошелками в руках,—
Бо есть у всех в хозяйстве свинки,
Все при курах, все при детях...

ЛИРИКА

Оце, дывысь, яка картина:
Мартын летае над волной.
Дывысь, дивчино, на мартына,
Бо я, як вин,— всегда такой.
То перекинусь до причала,
То аж в рыбацкий магазин:
Прийму сто грамм, и все сначала...
Та почему я не мартын?

За що Петром мене прозвалы?
За що не дали два крила?
Я пил бы водку на причале
И пид гармошку тра-ла-ла.
Была б житуха, як малина —
Фирину клюй, роняй перо...

Так нет! Не быть з мене мартына:
Нема решенья профбюро.

* * *

Нехай простит мне друг-читатель
Дефекты в смысле падежей,
Поскольку в разговорной речи
Мы говорим еще хужей.

Притом учтя происхожденье,—
Довольно грубая родня,—
То поймите снисхожденье,
Бо вы культурней за меня.

Чи мабудь критик вы столичный,
Чи мабудь вы литероед,
Живя под знаком препинанья
Из самых юных детских лет.

И областной оргán читая
Не реже мабудь через день,
Вы изучили факты жизни,
А я был в этом круглый пень.

ВДОХНОВЕНЬЕ

У периуд мокрой атмосхверы,
Заплывая грязью до ушей,
Не суваешь носу из квартиры,
Бо на двори, бачьте, ще хужей.

И такое маешь вдохновенье
Через той осадок мокроты,

Что, прошю звинять за выраженье,—
Исты юшку забуваешь ты.

И обратно тычешь самописку
В полпустой чернильный пузирек,
Та обратно, як галушки в миску,
Насыпаешь добре гарных строк.

А наружный дощик хлеще шибки,
А на двори некультурный граз...
Хорошо б тепер покушать рыбки
Та придумать много разных фраз!

ТОСТ

Одному известному ученому, которого я никогда не видел,— по случаю его долголетия.

вляясь профаном по части науки,
Боюсь напороть невозможную чушь,
А вот издавать гармоничные звуки —
Мой тягостный жребий: его я не чужд.
Сегодня опять предоставился случай,—
Ученого мужа поздравить спешу
За то, что ученый, вдобавок — живучий.
Что делать поэту? Сажусь и пишу.
Мне нравится — сидя (не лежа, не стоя)
Подыскивать слово: нашел и — в строку.
Хочу подбодрить и утешить героя,
А вдруг да полюбится стих старику.
Нальют мне в серебряный рог цинандали,
И мудрый механик, грузинский Ньютон,
Дрожащей рукой поправляя медали,
Со всеми, как принято, в лад, в унисон,
Гортанно затянет картвельскую сагу,
А я, не терзаясь незнанием нот,
По слуху начну заносить на бумагу,
Как только луна над застольем взойдет...

НЕОБЪЯСНИМОЕ

дожде мечтали мы знойными ночами,—
Звали всеми порами тела и души:
Ждали горожане, жаждали сельчане,—
Не идет! Хоть кол на голове теши.

Если б только мог я! Был бы я шаманом,
Я бы дождик выкамлал бубном и обманом,
С диким воем корчился по асфальту
пыльному,
Дабы снизошел он к жалкому, бессильному...

Где уж мне? Не поп я, не колдун,
не знахарь,
Не метеоролог, даже и не пахарь.
Ладно. Делать нечего. Сочиню стихи я.
Сел к столу. Без мысли и без веры в чудо.
Вывел строчку. Вялую. И подумал: «Худо...»
Зачеркнул... И вдруг как сорвалась стихия!
Как с небес посыпались капли. Вот такие!

РАССТОЯНИЕ

Вглядимся в нашу юность, удивляясь:
Где страсти, где томлень той поры?
И сразу — невдомек, что, удаляясь,
Мы видим только силуэт горы.
Обрывы, повороты — их не видно.
А крутизна тропинок — где она?
А лес, где мы блуждали? А ущелье,
Где клокотало бешеное зелье?
Все спряталось — громаде стыдно,
Как будто вся обнажена...

.
Ты слишком близко подошла ко мне.

ЗЕРКАЛО

Ненадолго в зеркало взгляну.
Тяжко, словно кто меня обидел:
Желтое лицо и седину
Лучше бы не видел!

Или вовсе нет иных зеркал?
Дайте мне волшебное — такое,
Чтобы взор по-прежнему сверкал,
Не молил: «Оставь меня в покое...»

Чтоб не леденела белизна
Немотой высокогорной,
Чтоб играла красная весна
С чернотою непокорной.

Не желтела б острая скула,
Чтобы все смуглело и круглилось...
Уберите к черту зеркала, —
Окажите милость.

Вот закончу эту книгу
И стихам кладу предел,—
Обольстительному игу
Предпочту иной удел.

Да и то сказать, пожалуй,
Баловаться ни к чему
С музой, ветреной и шалой,
Ветерану-ворчуну.

Чтоб меня не засмеяли
В нашей гвардии седой.
Да и музе нужен я ли —
Старый, стреляный, дурной?

Ей такого надо, чтобы
Обезуметь, умирать
От тоски, ревнивой злобы,
От боязни потерять.

Было время — было дело,
И любовь была... Ну что ж:
Раньше поле золотело,
А потом пошло под нож.

И полным-полны амбары
Спелым семенем-зерном.
И хоть я один, без пары,—
Пусть быстрее летают чары
С поздравительным вином:

Славный пир в моей усадьбе.
Не беда и то, что, сив,
Я сижу, как дед на свадьбе,
Честной старостью красив.

Спрашиваю: «Муза, где ты? —
Сердцем чувствуя, что здесь.—
Все ли наши песни спеты?
Вся ли ты и я ли весь?!»

И щеки моей коснется
Лед и жар твоей щеки,
И в крови моей проснется
Юношеский звон тоски.

Но, ничем себя не выдав,
Подымусь я и спою,
Как гусар Денис Давыдов,
Песню старую свою,

А потом хрусталь заветный
Запрокину к небесам —
Хмель польется искрометный
По моим седым усам.

он не шел, и окна не синели:
За стеклом не видно ни аза.
Наконец насильно, еле-еле
Я сомкнул усталые глаза.

Я заснул. И вот я снова мальчик.
Я мечтаю вырасти большим,
Понимающим из понимающих
Хитрый нрав таинственных машин.

Я веленьем сна, конечно, вырос
Именно таким, каким хотел.
Наяву другое получилось:
Вырос я, и на меня свалилось
Слишком много самых срочных дел.

ПРОСТО ЮНОСТЬ

Когда мне было двадцать с лишком,
Служил я в грозненском полку
И все завидовал усишкам
Своих дружков по котелку.
Отдавши дань сапожной чистке,
Фуражку сдвинув набекрень,
По увольнительной записке
Я уходил в воскресный день.
Свирепым зноем обожженный,
Точь-в-точь кавказец записной,
Я чувствовал себя пижоном.
Я наслаждался новизной:
Тень тополя — не тень чинары,
Трамвайный звон — не рев осла.
Я шел, где шел творец Тамары,
Где пахнут нефтью промысла.
Вот только местные казачки
С презреньем отвергали нас:
Под взором сумрачной гордячки
Робел безусый ловелас.
Но страсть моя воображала
Мюридов мстительный набег:
Спасал красотку от кинжала
Очкастый смуглый человек...

Однако близок час урочный,—
Воскресный отдых мал, увы.
Я завершу его в молочной
Куском подсолнечной халвы.
Вокруг друзья однополчане:
Кто кофе пьет, кто молоко.
Пора и в полк. Идем в молчанье.
Идти, увы, не далеко.

Глядим тоскливо на казачек,
И каждый алчен, как мюрид...
Но это ничего не значит,
А просто юность в нас горит.

ИЗ ЮНОШЕСКОГО ДНЕВНИКА

Не верится, а жизнь моя уходит,
А чувства юности уже не те, не те,
А будущее глаз с меня не сводит,
А я все ближе к серой пустоте.
Что ж, если мне дано сильнее, чем многим,
Гореть от жаркой искры бытия
И не дано быть мудрым, твердым, строгим,
То, может, в этом неповинен я.
Всех тех, кто видит зло в моей печали,
Тех, кто меня же ею попрекнет,—
Благодарю за то, что выручали,
Что грозных мыслей облегчали гнет.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

то мне делать? Я не верю в бога.
Вера бы меня занять могла,
Так сказать, на склоне, у порога,
Суетные бросил бы дела.

Но тогда в каком ином оплоте
Я обрел бы отдых для души?
Вряд ли это умерщвление плоти,—
Вопиет она: «Дурак, спеши!

Сам ты закалял меня, конечно,
Но теперь попробуй одолей,
Да запомни: время быстротечно,
Если опоздаешь — не жалея!...»

Вопиет. А коль такое дело,
Я ж тебя — верней, себя — дойму.
Будь что будет, а заставлю тело
Подчиниться духу моему!

И давай мы с ним гонять по свету.
Дух сдает, а тело — черта с два:
Чуть не трижды обогнул планету —
Плоть жива, а дух — едва-едва.

Что за чушь! В моем здоровом теле
Должен обитать могучий дух.
Что ж он, мой-то? Дышит еле-еле.
Значит, плоть старается за двух.

Я здоров! Ушам доступны звуки,
Не упустят ничего глаза.
Ноги в норме, двигаются руки,
Все на месте — ход и тормоза.

Только с тем, что мир наш необъятен,
Не хочу смириться, и нельзя:
Много ль расцветил я белых пятен,
Над землей по-птичьему скользя?

Кто сказал, что должен быть солиден
Убеленный сединой поэт?
Сей портрет обиден и постыден,
И с оригиналом сходства нет.

Пусть во мне маститости не ищут:
Нет ее на старый медный грош.
Я такой, как тысяча на тыщу,
Хоть и на поэта не похож.

Специально ждать меня не надо:
Ведь слова, придуманные мной,
К вам дойдут и без доставки на дом,—
В поговорке, в песне фронтовой.

Пели их в колхозе за Тоболом,
Пели на Оби буровики,
Пели пионеры с комсомолом,
Сверстники Лазо — большевики...

Я еще пройду, еще поезжу,
Я еще незримо пролечу
По всему Приморью и Прибрежью,—
Я еще могу, еще хочу!

так, я должен раздвоиться
На командира и бойца,—
Так пусть солдат не убоится
Держать присягу до конца.
Ведь он живой, не сочиненный,
Не просто половинка «я»,
Не только рабски-подчиненный,—
Но кровь твоя и плоть твоя.

А командир — он умный воин,
Искусный тактик и стратег,
Расчетлив, холоден, спокоен.
Их не было — их стало двое,
Но разве счастье боевое
В количестве и в быстроте?

Найдем решение иное
И отдадим приказ на бой,
И хмелем битвы насладимся,
А победив, соединимся,
Чтоб снова стать одним собой...

* * *

На горизонте — горные отроги,
Небесной тверди горные пороги:
Как далеко, как близко нам до них.
Дотронуться. Уходят недотроги.
Дойти до них. А нет прямой дороги
К тем рукописям в знаках водяных.
Прочсть бы издали, а мы, увы, не боги.
И, вопреки всему, несут нас ноги
Туда, где мы, подобно дерзким многим,
Застынем вязью на страницах ледяных...

МЕНЯ С УЧЕТА СНЯЛ ВОЕНКОМАТ

меня с учета снял военкомат,
Поскольку старику зашло за шестьдесят.
А он обижен, явно несогласен:
Кто покушается на жизнь мою,
Разумно числит старика в строю,—
Служивый для него по-прежнему опасен,
Его строка настильна и точна:
Вглядитесь в руку — не дрожит она...
Военкомат ошибся, вывод ясен.

СНЕСЛО

непонятной тайной грустью
Я ловлю себя на том,
Что снесло течением к устью
Мой челнок.

 Таким путем
По рецепту Ренуара
И выходят в мастера.
Только я ему не пара,
И теперь не та пора.

А всего-то надо было
Переправиться.
 И что ж,
Значит, силы не хватило,
Глазомер не так хорош...

Эк несет! За поворотом
Открывается лиман.
А вдали синееет...
 Что там?
Неужели о-ке-ан?

То ли ночью, то ли утром
Подойду к Большой Воде
На суденышке, на утлом,
И опомнюсь
 черт те где...

Ищут люди — человеку надо! — хоть одну
привязанность на свете,
И не слишком сильную: картину или кошку,
песню или птицу.
Я не говорю уже о друге — дружба редко
длится полстолетья.
Я не говорю уже о доме, где скиталец
мог бы приютиться.
Только бы найти, — и будешь счастлив и
несчастен, честен и нечестен,
Будешь озабочен и беспечен, будешь зол
и добр, суров и весел,
И спокоен, навсегда спокоен.
Вовсе не боясь, что неизвестен,
Радуйся тому, что одинокий, плотно ты
окно свое завесил:
Наконец-то ты привязан крепко цепью
возле будки, как собака.
Ничего не ищешь. Все на месте. Легче
нервам. Отдыхает зренье...

Лишь тому, кто ослеплен звездою,
никакого дела нет до мрака:
Он нашел звезды своей мерцанье,
беспокойно-тихое свеченье.

СОДЕРЖАНИЕ

Утро	3
Меня нет дома	4
Навстречу детству	5
Майский цвет	7
В начале века	8
«Однажды смерть за мной придет...»	10
Улицы моей столицы	12
Безголосый	14
Пора осенняя	16
«Из земли — хоть в стужу да наружу...»	18
«Сейчас на западе — вчера...»	19
«Люблю тебя...»	20
Серенада	21
«За Третьяковской галереей...»	22
«Четыре года как-никак...»	23
На попутной машине	24
Мирный мир	25
Снег	26
«Светает раньше. Вечерет позже...»	28
Снимок	29
Спаян кровью	30
Артем (<i>Матросский разговор</i>)	32
Из кубанского дневника	43
Украинская баллада	46

То пером, то огнем...	48
«Стекло дрожит от мощной переключки...»	49
«Шел, поскрипывая снегом...»	50
«На исходе декабря...»	52
«А ты сменил бы чарку...»	53
«Весь мир был пасмурен и светел...»	54
«Нам нравятся странные странности...»	55
На тройке	56
Мир в окне	57
Замыслы весны	58
Жажда солнца	59
Судак	60
«Все, все не так, как у людей...»	61
Признание	62
Ах, если б...	63
«Замолк. Молчал. И домолчался...»	65
Ликбез	66
Месторождение	67
Причал	69
Тост	75
Необъяснимое	76
Расстояние	77
Зеркало	78
«Вот закончу эту книгу...»	79
«Сон не шел, и окна не синели...»	81
Просто юность	82
Из юношеского дневника	84
Душеспасительные мысли	85
«Итак, я должен раздвоиться...»	88
«На горизонте — горные отроги...»	89
Меня с учета снял военкомат...	90
Снесло	91
«Ищут люди...»	93

Френкель Илья Львович

ПРИЧАЛ

М., «Советский писатель», 1976, 96 стр. План выпуска 1976 г. № 176. Художник *Ю. А. Боярский*. Редактор *В. С. Фогельсон*. Худож. редактор *В. В. Медведев*. Техн. редактор *Т. С. Казовская*. Корректор *Т. П. Лейзерович*. Сдано в набор 15/III 1975 г. Подписано к печати 24/III 1976 г. А 06759. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 3 (4,2). Уч.-изд. л. 2,55. Тираж 20 000 экз. Заказ № 906. Цена 30 коп. Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109